я не просто люблю русский репертуар — я его обожаю Ферруччо Фурланетто - Газете Знаменитый итальянский бас Ферруччо Фурланетто приехал в Петербург на фестиваль «Звезды белых ночей», чтобы выступить в спектаклях Мариинского театра «Борис Годунов» и «Дон Карлос». Перед выступлением с певцом встретилась Гюляра Садых-заде. Никита Инфантьев / Газет

Вы считаетесь по преимуществу вердиевским и моцартовским певцом. Как вы чувствуете себя в русском репертуаре?

Я исполнял русские партии всегда либо с русскими, либо с болгарскими дирижерами. Моего первого Бориса я делал с ма-эстро Ежи Семковым. Три года назад мы с Алексисом Вайсенбергом он по происхождению болгарин — сделали большой камерный цикл из романсов Рахманинова и Мусоргского. Так что мне нравится петь русский репертуар, это важный этап моей жизни. После того как я спел почти всего Моцарта — а я делал моцартовские партии с самыми великими дирижерами и в самых знаменитых театрах, я возвращаюсь к гораздо более «тяжелому» для голоса репертуару: пою в операх Верди, в «Дон Кихоте» и «Фаусте» Гуно. Русский репертуар я рассматриваю как конечную цель моей карьеры. Именно в русской опере я нахожу изумительно сильные характеры, такие как царь Борис и многие другие. В настоящий момент самыми важными для меня являются вердиевские партии. Здесь, в Петербурге, я буду петь партию короля Филиппа из «Дон Карлоса». Когда вы поете столь обширный репертуар, неизбежно приходится делать выбор, на чем-то концентрироваться особо. В моем случае голос, безусловно, важен; однако не менее важно быть ярким интерпретатором партии. Партии Дона Жуана, короля Филиппа требуют от певца особого драматического дара. Так же, как и партия царя Бориса.

Намерены ли вы осваивать другие крупные оперные характеры русской оперы? Князя Хованского или князя Игоря, например?

Я был бы счастлив их исполнить. Но в Западной Европе эти партии чаще всего поручают русским певцам. А иногда и полностью переносят русские постановки на сцены знаменитых театров. Например, недавняя постановка в Триесте «Бориса Годунова» полностью заимствована из какого-то восточного театра. И в Милане шел тот самый «Борис Годунов», который идет у вас в Мариинском театре: это была копродукция. Я пел в Милане на премьерном спектакле с маэстро Гергиевым, так что ваш спектакль мне знаком.

В будущем я планирую сделать «Хованщину», но, к сожалению, это не так-то легко. «Борис» в этом смысле стоит особняком. В глазах западного человека «Борис» самая главная русская опера, поэтому западные театры чаще всего обращаются именно к «Борису». Я лично очень люблю «Ивана Сусанина» Глинки. Там просто сказочная, фантастическая музыка. Так что я не просто люблю русский репертуар — я его обожаю.

Русские певцы все чаще приглашаются в западные театры и поют там не только в русских операх. Достаточно ли органично наши вокалисты интегрированы в мировой оперный процесс, не отличается ли их манера пения от западной?

Русские певцы прекрасно поют не только русский, но и итальянский репертуар. Остается лишь мечтать, чтобы итальянцы с такой же свободой пели русские партии. Я с огромным уважением отношусь и к моим коллегам, но считаю, что пению не должны мешать границы и языки. Певец должен петь любой репертуар, вне зависимости от национальной принадлежности.

Что касается интеграции, то русские пев-цы полностью интегрированы в западный оперный процесс. Этой весной я пел в Мегрополитен Опера «Итальянку в Алжире» Россини в старой красивой постановке Поннеля. Пел там и в «Фигаро». И должен заметить, в спектаклях Метрополитен почти всегда задействованы несколько молодых русских певцов. Я знаком и с такими знаменитыми русскими, как Паата Бурчуладзе. Недавно мы были с ним вместе в Риме на постановке «Дон Карлоса». Паата очень популярен на Западе.

Вы упомянули, что перешли на более «тяжелый» репертуар. Означает ли это, что вы теперь не поете Моцарта? В каком-то смысле да, я отошел от Моцар-

та. Видите ли, вокальная жизнь певца проходит разные этапы. С возрастом голос «тяжелеет», регистр опускается ниже. Когда я начинал карьеру, мой голос подходил для небольших партий Верди, таких как Спарафучиле из «Риголетто», Отец Гуардиан из «Силы судьбы». У меня от природы обнаружился голос темного

бы когда-нибудь стать моцартовским певцом. Однако это случилось. По крайней мере пятнадцать лет я пел почти исключительно Моцарта: Дон Жуана, Лепорелло, Фигаро, Графа Альмавиву, Альфонсо. Но партии Лепорелло и Фигаро хороши лишь в определенном возрасте. Я спел своего последнего Фигаро в ноябре-декабре прошлого года. Не потому, что у меня возникли голосовые проблемы. Мой вокал сегодня в лучшем состоянии, чем когдалибо. Но физически роль Фигаро мне не очень подходит. Фигаро все-таки должен исполнять тридцатилетний певец, с легкостью прыгающий и бегающий по сцене. Я тоже могу это делать; но если пятнадцать лет назад это было для меня удовольствием, то сейчас это утомительно. Зато Дон Жуана я буду петь в следующем году в Вене.

Вы работали со многими выдающимися дирижерами. Какие запомнились вам более всех?

Мне посчастливилось делать моих первых моцартовских героев — Лепорелло и Фигаро — с Караяном. И Дон Карлоса тоже. Для определения того, каким был Караян, нелегко найти слова. Он был существом с другой планеты. Может быть, мне так казалось потому, что я был в начале карьеры, а Караян ее завершал — но в том, как он работал, и впрямь было нечто удивительное. Он делал поистине сенсационные постановки, производил революцию в темпах моцартовских опер.

Затем у меня появился шанс сделать Фигаро с сэром Георгом Шолти. У нас с ним был тур в Лондоне и Париже.

Четыре года назад мы делали «Дон Жуана» в Зальцбурге вместе с Гергиевым. Те новые темпы, которые нашел маэстро Гергиев в финале, — самые феерические и дьяволические, какие только можно представить. Это были самые удивительные темпы, с которыми я когда-либо сталкивался в жизни; что-то феноменальное, волшебство какое-то.

Я делал Моцарта с Риккардо Мути; прекрасно, когда дирижер так обожает голоса, как обожает их Мути. Неподражаем в моцартовском репертуаре Джимми Ливайн: моего первого Фигаро в Зальцбурге мы делали с ним. Джимми дирижирует

наизусть и потому никогда не теряет контакт с певцом; вы постоянно ощущаете его взгляд. Было бы несправедливо не упомянуть и нашу работу с Даниэлем Баренбоймом. Контакты с дирижерами такого ранга я считаю огромной привилегией моей жизни.

Как начиналась ваша карьера?

Мое преимущество было в том, что я родился итальянцем. В Италии масса оперных театров: 14—18 больших и по крайней мере 20 мелких. Именно в маленьких театрах вы можете начать карьеру. Я никогда не принадлежал одному театру. Всю жизнь нахожусь в свободном полете и потому располагаю свободой выбора. В некоторых театрах я выступаю чаще: например, в Вене у меня обычно запланировано до двадцати пяти выступлений в год. В этом году я четыре месяца провел в Нью-Йорке. Участвовал в шестнадцати Зальцбургских летних фестивалях.

Мы до обидного мало знаем о вашей частной жизни. Удалось узнать лишь, что вы любите в жизни три вещи: гольф, спортивные машины и вино Фраголино. Так ли это?

О да, совершенно верно. Фраголино — десертное вино, очень типичное для той местности, в которой я родился. Я родом с северо-востока Италии, из городка Фриули. Эта местность раскинулась меж ду Австрией, Венецией и Словенией. Я привык к Фраголино; привозил его и в Зальцбург, Караяну. Вот почему Фраголино стало знаменитым. Увлекаюсь гольфом. Этот вид спорта для меня — своеобразное защитное средство от стресса, он дает мне психологическую разрядку. Преимущество игры в гольф в том, что для нее вам не нужен партнер: вы можете играть против самого себя. Отдыхая от забот, необходимо время от времени проветривать мозги. И лучше гольфа средства пока не придумали. За время игры вы проходите иногда десять километров по красивому парку, дышите воздухом.

Когда я был начинающим игроком, мне по правилам гольфа полагалась фора в тридцать мячей. По мере того, как я совершенствовался в игре, фора уменьшалась. Сейчас у меня фора в семь мячей.

гонщик, игрок и посол ООН

Знаменитый бас Ферруччо Фурланетто известен как блестящий интерпретатор итальянской оперной музыки и Моцарта. Работал со многими известнейшими оркестрами и дирижерами, среди которых Герберт фон Караян, Лорин Маазель, Клаудио Аббадо, Леонард Бернстайн, Риккардо Мути. Выступает на ведущих сценах мира: «Ла Скала», Венская государственная опера, «Ковент-Гарден», Опера Бастиль, Метрополитен Опера, театр Колон в Буэнос-Айресе, оперный театр Токио. Имеет почетное звание Kammersanger Венской государственной оперы. Принимает участие во многих международных музыкальных фестивалях, частый гость в Зальцбурге. Почетный посол ООН. Среди увлечений — гольф, спортивные машины и вино.

газета

Как раз перед приездом в Петербург я был в Вене и впервые выбил максимальное количество очков. Это был мой личный рекорд. Начал я играть в двадцать шесть лет, в 1978 году. А до гольфа увлекался теннисом. Но, как только начал играть в гольф, моментально забыл про теннис. Это занятие поглощает тебя целиком.

В какой семье вы родились, где и у ко-

го учились? Родился я в крепкой буржуазной семье. Мой отец был летчиком, мать — учительницей. В семье существовала определенная традиция, в какие именно школы отдавать детей. Я больше интересовался гуманитарными предметами, и меня отправили в гуманитарную школу. А брата — в естественнонаучную. Я получил совсем недурное классическое образование, абсолютно не связанное с музыкой. Окончил так называемый liceo classico, где нам преподавали древнегреческий, латинский языки, итальянскую литературу, филологию. После школы решил заняться лесовелением и поступил в университет. Проучился там два года, но тут мне пришлось резко менять жизнь; обнаружилось, что у меня есть голос. Обширная гуманитарная подготовка у меня уже была. А если вы собираетесь сделать своей профессией искусство, то нет лучше школы, развивающей интеллект и кругозор, чем классический лицей. Гуманитарные предметы просветляют разум, открывают вам новые горизонты знания. Однако если вы посвятите этому жизнь, вам прямая дорога в университет Проблема в том, что гуманитарные профессии — совсем не «хлебные». Какие перспективы перед вами открываются? В лучшем случае — кафедра профессора древнегреческого в университете. Но я всегда знал, что у меня есть голос. Я унаследовал его от дедушки. Еще когда

я был подростком, пел в группе под гита-

ру, мы записали два диска. Некоторое

как эстрадный певец. Но мне очень

время я даже выступал на телевидении

не нравилась царящая в сферах поп-му-

зыки атмосфера. И я оставил эстраду.

А если природа наградила вас голосом,

это накладывает на вас определенные

этот дар, развивать его. В намерении

обязательства: вы должны использовать

стать оперным певцом меня поддержива-

ла тетя. Она не уставала повторять: «По-

чему бы тебе не попробовать? Попытай-

ся!» И я попытался. Дело пошло неожи-

данно легко, быстро и удачно. Я оказался

абсолютно благословен в своем выборе.

Кто был вашим первым педагогом

Моим первым и единственным педагогом стал Этторе Кампогалиано. Очень знаменитый педагог, жил в Мантуе. Тогда ему было уже далеко за семьдесят. Он учил в свое время Ренату Скотто, Лучано Паваротти, других знаменитых итальянских певцов. Он был великолепным музыкантом. У него совершенно не было певческого голоса, что, я думаю, являлось в данном случае преимуществом. Зато он был человеком невероятно высокой культуры. Никто лучше него не умел показать, как зарождается и длится звук. Способы интерпретации, фразировка, форма — все становится легким и ясным, когда вам объясняет человек, обладающий уникальным преподавательским даром. Вы начинаете ощущать динамику фразы, фазы ее развития. Учитесь петь плавным, ровным звуком. Кампогалиано сделал из меня певца. И личное удовлетворение, которое мне дает сегодня профессия, — это ни с чем не сравнимое наслаждение. Я пою в первую очередь для себя. И затем, конечно, для зрителя. А это ведь большое везение, когда профессия становится образом жизни и хобби одновременно.

по вокалу?